

В каждой семье есть близкие и родные люди, которые защищали Родину. Ведущий архивист Ульяновского городского архива Юлия Долгова рассказывает о своем родственнике.

- Мой дед, Шишков Владимир Иванович, родился 19 декабря 1924 года в городе Умань Черкасской области в семье врача и служащей. До войны жил и учился в городе Христиновке Черкасской области.

В 1941 году он с отличием окончил среднюю школу и в июле того же года в связи с началом Великой Отечественной войны эвакуировался в город Зеленодольск Татарской АССР, где работал на оборонном заводе. В мае 1942 года, задолго до своего совершеннолетия, он поступает в Ленинградское военно-пехотное училище.

В ноябре 1942 года выпускников вливают в состав 19-й Гвардейской дивизии. В ноябре Шишков принял первый бой, командуя взводом противотанковых ружей (ПТР). 4 января 1943 года, отражая массированную танковую атаку противника, взвод погибает. В этом бою Шишков был контужен, получил четыре пулевых и осколочных ранения и попал в плен.

С января 1943-го по март 1945-го он проходит через концлагеря Городок, Каунас, Дахау, работает на железорудных коях Тиканье во Франции. Совершил два побега: в августе 1944 года был пойман, а в марте 1945-го ему удалось выйти к союзным войскам. В мае 1945 года Шишков был передан советской стороне и после проверки зачислен в 55-й Белостокский полк Рогачевской дивизии. Был уволен из армии в запас в 1946 году в звании капитана.

Мой дед периодически выступал с воспоминаниями о войне. Хотя не исполнилась мечта его юности стать литератором, он написал значительное количество литературных произведений в прозе и в стихах, активно занимался политической публицистикой.

В нашей семье было не принято много говорить о войне, о тех ужасах, которые пережил Владимир Иванович. Но произведения, написанные дедом, приоткрывали завесу. Особенно мне запомнился один рассказ, в котором он описывает историю, услышанную им во Франции, во время работ в концлагерных шахтах. Рассказ называется «Красные маки Марыси». Вот этот рассказ, мне посвященный.

В забое железорудной шахты нас трое: взрывник-забойщик - француз польского происхождения пан Ежи и двое пленных, занятых на загрузке вагонеток рудой, - это я и мой напарник. Пан Ежи уже отработал свою смену и завалил забой глыбами руды, но домой не уходит: мы с напарником оставлены лагерным начальством на внеочередную вторую смену, от результатов которой будет зависеть не только наша с напарником судьба, но и толщина кошелека забойщика. Поэтому он решил нас сегодня немножко подкормить, присмотреть за нами, а если понадобится, то и помочь загрузить вагонетку-другую. Но по какой-то причине нас не обеспечили порожняком, и мы вынуждены коротать время, сидя на рудных завалах. После скромной еды, предложенной нам забойщиком, пан Ежи располагается на отдых, но, можно предположить, что наше общение с ним будет продолжено.

- Что делать, холера ясна? - бурчит себе под нос по-польски забойщик и, видя, что я перевожу его слова своему напарнику, с интересом спрашивает:

- Прошу прощения, пан говорит по-польски?

- Не говорю, но неплохо понимаю, - отвечаю я, с трудом подбирая польские слова.

Пан Ежи улыбается то ли от тяжести рождавшегося моего ответа, то ли от стихотворного его слога: «мувен» и «розумен». И с этого времени забойщик становится рассказчиком, я - переводчиком, а мой напарник - внимательным слушателем. Ниже привожу рассказ пана Ежи в своем переводе.

Я эмигрировал из Польши в восемнадцатом году, когда там усилилось влияние красных, одним словом, - бежал от большевизма. Получил французское подданство, начал работать на этой шахте, женился на французке, дурно выучил французский, подзабыл польский. Вы меня, пан Владек, хорошо понимаете? Уже приспособились? Ну и хорошо... Жизнь в семье протекала размеренно и тихо: бездетная жена постоянно побаливала, я проводил время или на работе в шахте, или в нашем маленьком винограднике, оставшемся после

смерти тестя. Полного достатка никогда в доме не было, но и нужды особой не испытывали. Так продолжалось лет двадцать, пока в тридцать девятом году ваши «красные» со своими «коричневыми» друзьями не захватили мою Польшу. Скоро я получил известие о гибели моего младшего брата на восточном фронте, потом - о заключении моего отца в концлагерь и, наконец, о смерти жены брата. А еще через некоторое время польским друзьям моего отца удалось переправить во Францию осиротевшую дочь моего брата - четырнадцатилетнюю Марысю.

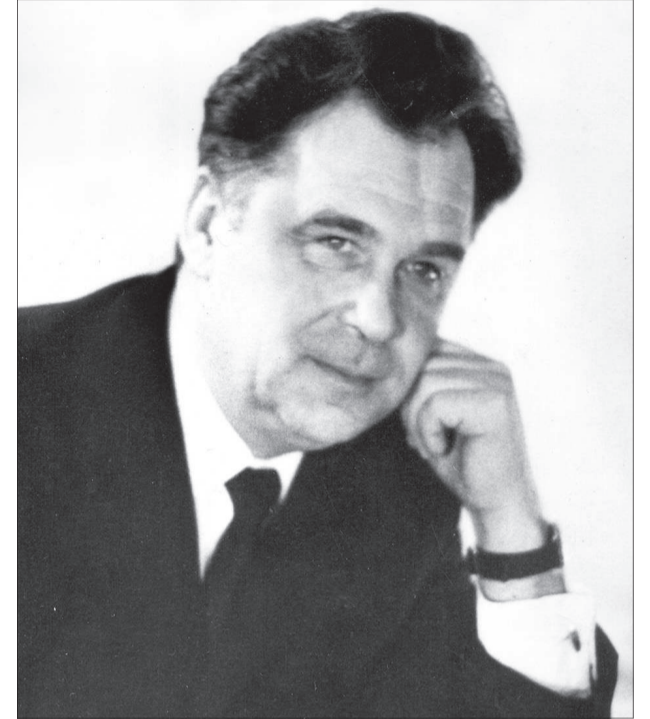

Стоит ли говорить о том, как мы с женой обрадовались Марысе: я, наверно, по зову крови, а у моей жены сразу появилась дочь, подруга и помощница. Слово сама Матерь Божья послала нам эту девушку! Но вскоре меня призвали в армию, и я более полугодом просидел без дела на линии «Мажино», участвуя в этой, как ее стали называть, «странной войне». И пока я так бесполезно проводил время и проедал казенные харчи, все наше маленькое хозяйство вела Марыся. А когда я в июле сорокового года возвратился домой, меня встретила почти взрослая племянница, которой шел уже шестнадцатый год... Осенью Марыся начала учиться в лицее, совершенствовала свой французский, много читала и, ко всему этому, выполняла основ-

Красные маки Марыси

Шишков - командир взвода ПТР, 1942 г.

Владимир Шишков, 1982 г.

ную работу по дому. Так, в мире и согласии, наша семья прожила еще год... 22 июня сорок первого Марысе исполнилось шестнадцать лет. Это событие мы решили пусть и скромно, но отметить: без гостей, но с польским бигусом, французским луковым супом и, конечно же, бутылочкой домашнего виноградного вина. Но когда пришло время нашему семейному пиршеству, Марыся вдруг заявила:

- Я не могу праздновать день своего рождения в годовщину капитуляции Франции и в черную дату нападения Гитлера на Россию!

Марыси продолжался около года. Но как-то в мае сорок второго она сама нарушила молчание:

- Дядя Ежи, вы когда-то работали в старой штольне, что у рожицы: не помогли бы вы мне начертить план перехода из новой штольни в старую с выходом на поверхность? Сможете - спасибо, не сможете - не обижусь.

- Нет, Марыся, - ответил я. - Подталкивать тебя к виселице - это свыше моих сил. Прости, но не могу!

- Спасибо, дядя, что не тянули с ответом. Буду теперь надеяться на собственные силы, - «поблагодарила» меня девушка и ушла.

Весь оставшийся день я думал над тем, правильно ли я поступил, отказав племяннице в просьбе: ведь она обязательно будет добиваться своего и вовлечет в дело новых людей, чем увеличит опасность провала. И я решился: вечером Марыся получила от меня нужный ей план... Прошли еще месяц-полтора. Вечером, накануне 22 июня сорок второго года, когда жена уже ушла в спальню, ко мне подошла Марыся и, сдерживая волнение, заговорила:

- Завтра у меня будет трудный и светлый день. Ожидайте меня домой послезавтра. Для всех - я уехала в Нанси искать работу. Все должно быть хорошо. Но если, не дай Бог, провал - убедите себя и других: влюбленная дуручка втайне от близких совершила непростительную глупость. Это я - просто так, на всякий случай... Пожелайте мне, дядя, удачи - и до скорой встречи!.. Не пришла Марыся домой ни через день, ни через два. А на третий день в одном из двух трупов в море я опознал племянницу...

Пан Ежи встает с рудного валуна и уходит в соседней пустой забой. Через несколько минут он возвращается со следами слез на лице.

- Прошу прощения, панове, я еще немного дополнил свой рассказ, - говорит он слегка дрожащим от волнения голосом и продолжает свои воспоминания.

Всего два дня продолжалось следствие, которым был признан факт несчастного случая, к которому привела якобы неосмотрительность влюбленных. Но уже через некоторое время по отдельным фактам можно было

восстановить истинную картину трагедии.

В день годовщины нападения Гитлера на Россию французские патриоты решили освободить из плена русского офицера, работавшего на шахте. Вывод пленного через старую штольню прошел успешно: здесь в роже его уже ждала Марыся, которая должна была сопроводить беглеца в условленное место. Но при выходе из рожи они натолкнулись на двух немецких полевых жандармов, которые, ни в чем молодых людей не подозревая, начали над ними подшучивать и говорить разные пошлости. Девушка мгновенно приняла решение: смущенно улыбувшись жандармам и помахав им ручкой, она потянула парня в сторону от дороги - в поле, заросшее маком. Долго еще Марыся с тревогой оглядывалась назад и приветливо помахивала рукой немцам, долго еще немцы зубоскалили, прожывая взглядом удаляющуюся в маковое поле парочку. Наконец, жандармы завели свой мотоцикл, посмотрели еще раз в сторону поля и уехали. А молодой русский и юная полячка решили некоторое время переждать, но, не знакомые с одурманяющим коварством макового поля, уснули в нем навеки...

...Смертельный случай с влюбленной парой, потерявшей сознание в зарослях мака, - такая версия происшедшего вполне устраивала и хозяина шахты, и коменданта лагеря военнопленных, которые оба могли быть строго наказаны за организованный побег узника. Эта версия и меня спасала от неприятностей: ведь я был единственным родственником Марыси. А вот моя жена после этого случая с постели уже не встала - через две недели она умерла, повторяя в беспмятстве имя Марыси... И зачем я теперь живу - не знаю, панове. Постоянно вспоминаю те дни, когда за одним столом собирались моя жена, Марыся и я. Мне кажется, что это были самые счастливые минуты в моей жизни...

- О, Матка Боска, а вагонки жуть стояць! - вдруг, почти в страхе, вскрикивает пан Ежи и устремляется в тупик за вагонеткой.

Здесь переводить напарнику ничего не надо, и мы с неохотой бредем за забойщиком...